

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ЩЕРБАК А. М.

О НОСТРАТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ С ПОЗИЦИЙ ТЮРКОЛОГА*

1. В данном случае нет необходимости подробно излагать историю вопроса, хотя это не потребовало бы больших усилий: она не богата ни именами ученых, ни названиями трудов. Основоположники ностратической гипотезы — Х. Педерсен [1] и А. Тромбетти [2], из которых первый не оставил специальных работ. Приверженцами идей ностратизма были и другие языковеды, например, А. Кюни, объединивший в ностратическую семью индоевропейские и семитохамитские языки и допускавший расширение ее состава [3]. Наиболее последовательное развитие эти идеи получили в трудах В. М. Иллич-Свитыча, активно разрабатывавшего ностратическую грамматику и составившего сравнительный словарь [4, 5]. Из публикаций заслуживают также внимания статьи различных авторов и рецензии на «Опыт сравнения ностратических языков». Из критической литературы, связанной с выходом в свет первого тома «Опыта сравнения...», следует выделить монографию Г. Дёрфера, в которой сделан разбор трех типов «всеобщего» сравнения, представленных соответственно у А. Тромбетти, Г. Мёллера и В. М. Иллич-Свитыча [6].

К ностратическим принято относить семитохамитские, картвельские, индоевропейские, уральские, дравидийские и алтайские языки. Если учесть, что каждую из перечисленных «малых» семей, каждую группу и каждый отдельный язык связывают узлами генетического родства с языками, традиционно не относимыми к ностратическим, то может стать реальностью превращение ностратической гипотезы в гипотезу о единой глобальной языковой семье.

Итоги изучения связей между ностратическими языками подведены в статьях В. А. Дыбо [7, 8], содержащих и общие соображения по поводу правомерности выделения «большой» семьи, и конкретные мысли о соответствиях, о фонологических оппозициях, о совпадающих морфологических показателях.

2. Ниже предпринимается попытка соотнести важнейшие положения работ В. М. Иллич-Свитыча и комментарии к ним его коллег с представлениями о фонологической системе и морфологической структуре тюркских языков, сложившимися в тюркологической среде. Разумеется, мы отдаем себе отчет в том, что обе книги В. М. Иллич-Свитыча изданы посмертно, что начатые поиски не были завершены и что поэтому наши критические замечания не должны рассматриваться как оценка выдвинутых им идей. Этическая сторона вопроса уже затрагивалась в статье Дж. Клосона и здесь уместно воспроизвести ее заключительную часть: «Всегда неприятно критиковать работу ученого, потратившего годы интенсивного труда на ее выполнение, и вдвойне неприятно, когда его уже нет, чтобы защитить себя. Огромное трудолюбие и энтузиазм В. М. Иллич-Свитыча вызывают глубочайшее уважение к нему. Это трагедия, что они были потрачены на доказательство истинности положения, которое, вероятно, не может быть истинным» [9]. В. М. Иллич-Свитыч выполнил огромную работу и сделал многое для того, чтобы гипотеза Х. Педерсена приобрела

* Публикуя настоящую статью, редакция надеется продолжить дискуссию по проблемам ностратических исследований.

качество научной концепции. Перечень обсуждаемых проблем и объем охваченного материала настолько велики, что даже простая систематизация их кажется трудом, непосильным для одного человека. Однако, признавая масштабность замыслов В. М. Иллич-Свитыча и необыкновенную интенсивность творческих усилий, необходимо отметить вместе с тем явную несоизмеримость с ними полученных результатов, которые более чем скромны и не дают оснований для оптимистических прогнозов. Причиной отрицательного отношения к ним является не «характерная эмоциональная реакция на принципиально новое открытие», как уверяет нас Вяч. Вс. Иванов [10, с. 179], и не гипертрофированный скепсис, а отсутствие убедительных фактов и ненадежность предложенных реконструкций. Впрочем, ни эмоциональная реакция, ни чрезмерная осторожность никогда не вредили науке так, как вредят ей поспешно сделанные категорические заключения. Примечательно, что и сам основоположник ностратики Х. Педерсен призывал к осторожности, констатируя присутствие в турецком языке ранних заимствований из индоевропейских языков: *deri* «кожа, шкура», *öküz* «бык, вол», *davar* «мелкий рогатый скот», *eşek* «осел» и др. [1, с. 561].

Вначале коснемся вопроса о связях между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками, составляющими вместе так называемую алтайскую семью.

2.1. «...статус алтайской семьи,— пишет В. А. Дыбо,— не затрагивает существа ностратической гипотезы: если тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки не образуют единой прасемьи, то те древние сходжения между ними, которые установлены сторонниками алтайской теории, окажутся сближениями ностратического уровня» [8, с. 400].

С этим подкупающим наивной простотой высказыванием трудно согласиться, тем более что оно противоречит другим высказываниям того же автора и не отражает взглядов В. М. Иллич-Свитыча, пользовавшегося понятием «алтайская семья языков» [11, с. 90] и подчеркивавшего свою ориентацию на праязыковые реконструкции шести «малых» семей [4, с. 1, 4, 67, 69; 12]. Настораживает априорность в подходе к решению вопроса о принципах объединения различных языков в одну семью. Поскольку под ностратическим уровнем подразумевается древнейшее состояние индоевропейского праязыка (до начала действия аблаута, с вокализмом уральского и консонантизмом картвельского типа), то «сближениями ностратического уровня» для алтайских языков должны оказаться произвольные индоевропейско-урало-картвельские реконструкции. Далее, следует возразить против ничем не обоснованного упрощения проблемы алтайской общности. Разграничение древних и поздних сходжений, вообще, никогда не было чисто механическим приемом. В случае же с алтайскими языками существуют особые трудности: в течение длительного времени турки, монголы и тунгусо-маньчжуры, находясь на смежных территориях, многократно вступали в тесные контакты и частично смешивались, и уже одно это обстоятельство побуждает отнестись со всей серьезностью к выделению в их языках разновременных пластов заимствованной лексики, в том числе и очень древних. «Чем больше я старею,— писал в 1932 г. крупнейший представитель ортодоксальной алтаистики В. Банг,— тем больше считаю просто абсурдным сравнивать между собой два языка, скажем монгольский и тюркский, до того как мы установим, что ими было заимствовано, дважды заимствовано и перезаимствовано» [13, с. 103].

2.2. О результатах, полученных В. М. Иллич-Свитычем, В. А. Дыбо говорит так: «гипотеза начала работать» [8, с. 403]. Ср. у Вяч. Вс. Иванова: «...В. М. Иллич-Свитыч сумел доказать родство ностратических языков» [10, с. 182]; у Н. Поппе: «Ностратическая гипотеза остается вероятной, хотя и недоказанной» [14, с. 222].

Иллюстрацией к тому, как работает гипотеза, служит мотивировка разделения индоевропейских гуттуральных на три ряда: лабиовелярный, палатальный и велярный. В. М. Иллич-Свитыч устанавливает соответствие А) индоевропейским лабиализованным гуттуральным (k^u , g^u , g^uh) уральских и алтайских сочетаний гуттуральных согласных с лабиализо-

ванными гласными (и, о, ü, ö); В) индоевропейским палатализованным гуттуральным (k', g', g'h) — уральских и алтайских сочетаний гуттуральных согласных с нелабиализованными гласными переднего ряда (ä, e, i) и гласным у (развившимся из i в словах с непременным вокализмом других слогов); С) индоевропейским велярным гуттуральным (k, g, gh) — уральских и алтайских сочетаний гуттуральных согласных с нелабиализованным гласным заднего ряда (a) [15, с. 22] и затем делает вывод, что индоевропейские гуттуральные дополнительно распределились по характеру уральского и алтайского вокализма, который являлся первичным и в индоевропейских языках был «стерт» действием аблаута.

Анализ примеров В. М. Иллич-Свитыча не оставляет сомнений в том, что они подбирались с заранее поставленной целью, о чем свидетельствует, в частности, состав включенных в параллели алтайских реконструкций. Для лабиовелярного ряда их — три: *kol'-¹ «вертеться, быть в движении», *kir- «строить, приводить в порядок», *pākū- «горячий»; для палатального — десять: *kās- «резать, отламывать», *kyra- «иней», *kärä- «привязывать, завязывать», *kyra- «скоблить, резать», *kūma- «рвение, пыл, жар», *nākā- «преследовать, сражаться», *kibi- «жевать», *kālīn «сноха, невестка, свояк», *gedā «задняя часть», *gilā- «блестеть»; для велярного — семь: *kaşy- «скрести», *kaly- «подниматься», *kap- «хватать», *kara «черный», *kal'- «голый, лысый», *kamā- «срывать, прижимать», *gara «сук, сухая ветка» [15, с. 22—25]. Некоторые из них опираются на материалы одной или двух групп языков, например: *kol'- «вертеться, быть в движении» (тюрк., монг.), *pāku «горячий» (монг., тунг.-маньч.), *nākā- «преследовать, сражаться» (монг., тунг.-маньч.), *kaşy- «скрести» (тюрк.), *kal' «голый, лысый» (тюрк., монг.), *gara «сук, сухая ветка» (тунг.-маньч.), *bary- «брать» (монг.). При этом реконструкция палатализованных согласных, ср.: (*kol'-, *kal', находится в противоречии с основополагающими признаками фонологических систем тюркских языков, так же как реконструкция первичного i в др.-тюрк. kyragu (<*kiragu) «иней», тув. xyr-² (<*kir-) «скоблить», якут. kŭm (<*kŭm) «искра».

В пределах алтайского материала, привлекаемого В. М. Иллич-Свитычем в связи с объяснением трехрядности индоевропейских гуттуральных, немало сопоставлений заимствованных слов и сопоставлений, подсказанных сомнительной внешней близостью, ср.: монг.-п. qolgida- «вертеться, сидеть беспокойно» (?) и турецк. koş- «бежать, мчаться»; ср.-монг. he'üsi-je- «страдать от жары» (?) и нан. pāku «горячий, жаркий»; монг.-п. kiragi и туркм. gyraу, др.-тюрк. kyragu «иней»; монг.-п. kimagan «рвение» (?) и якут. kŭm «искра»; монг.-п. gileji- «блестеть и (горно)алт. kileŋ «блестящий»; монг.-п. qaltar «голый, лысый» (?) и тат. kaška «лысый» (?); монг.-п. qatı- «срывать» (?) и нан. kamali- «прижимать, давить».

В толковании ряда слов допущены неточности. Монг.-п. qolgida- (бурят., халх. xolxido-) не «вертеться, сидеть беспокойно», а «быть свободным, оказываться большим по размеру (об одежде, обуви)»; ср.-монг. he'üsi-je- не «страдать от жары»³, а «быть вредным, гнилым (о климате)» (ср.: монгол. hŭ- «гниль») [16, с. 590]; монг.-п. kimaga(n) не «рвение», а «бережливость, заботливость»; монг.-п. qaltar не «голый, лысый», а «пятнистый, полосатый» (ср.: бурят., халх. xaltar, калм. xaltar «гнедой с желтоватыми подпалинами», бурят., халх. xaltar noxoi «собака с рыжими полосами или пятнами на ногах и морде», халх. xaltar üneg «черно-бурый лисица»); тат. kaška не «лысый», а «лысина, белая полоса или пятно на лбу животного» (ср.: кирг. kaşkaj- «белеть»); монг.-п. qatı- не «срывать», а «собирать, сметать, сгребать в кучу» (ср.: бурят., халх. xata-, калм. xat-).

¹ Во избежание недоразумений примеры приводятся с соблюдением особенностей передачи их у В. М. Иллич-Свитыча. Исправления внесены в неточные и ошибочные написания слов.

² У В. М. Иллич-Свитыча — xura- [15, с. 24].

³ Глагол he'üsi-je- «страдать от жары» приводится в алтаистических работах со ссылкой на «Сокровенное сказание», где он употреблен один раз с неясным значением. В русском тексте издания С. А. Козина и в словаре к нему предложены разные толкования [16, с. 180, 590].

С учетом внесенных изменений становятся необоснованными соответствующие алтайские и ностратические реконструкции: алт. **Kol'*а- «перемешивать, вращать(ся)», ностр. **kol'*а «круглый» (№ 202); алт. **päkü-* «горячий»; алт. **kūta-* «рвение, пыл, жар»; алт. **Kal'*(i)- «обдирать, кора, голый», ностр. **kal'*а «обдирать кору, кожу» (ср.: и.-е. **gol-* «голый, лысый», (№ 156); алт. **kamü-* «хватать, брать, сжимать», ностр. **kamü-* «хватать, сжимать» (№ 157).

Нельзя сказать, что все параллели либо случайны, либо включают заимствования. Есть и такие, случайность которых маловероятна и которые в то же время, по-видимому, не являются следствием языковых контактов, например: турецк. *kes-* и греч. *κείω* «резать» (ср.: у А. С. Мельничука [17]); турецк. *gev-* и др.-англ. *sēowan* «жевать»; турецк. *kap-* и лат. *capitō* «хватать». В них входят изобразительные слова, отличительной чертой которых является сохранение более или менее очевидной связи между звуком и значением, ср.: турецк. *kert-* «делать зарубку», *kemir-* «грызть», *ye-* «есть», *piş-* «вариться; печься», *balkı-* «блестеть, сверкать», *pariltı* «сверкание, блеск, сияние», *gırtlak* «гортань», *boran* «буря», *püşkür-* «брызгать», *titre-* «дрожать, трестись», *ter-* «лягаться, брыкаться», *pirtı* «лохмотья, тряпье»; узб. *jarakla-* «блестеть, сверкать, сиять», *karsak* «хлопок», *paşša* «муха», *baka* «лягушка», *miltik* «ружье» и т. д. Немало изобразительных слов и в словаре В. М. Иллич-Свитыча. По подсчетам С. В. Воронина, число их превышает треть общего количества [18, 19]. Спор о том, отражают ли изобразительные слова первичную близость языков (ср.: *affinité élémentaire* — у В. Пизани) или являются наследием более позднего времени, для компаративиста беспредметен: они не могут быть свидетельством генетического родства в общепринятом понимании его.

Подведем итоги. Пожалуй, Г. Дёрфер, комментирующий содержание первого тома монографии В. М. Иллич-Свитыча, иногда слишком категоричен в своих критических замечаниях, но он безусловно прав, утверждая, что «сплошное сравнение (*Omnicomparatismus*) без предварительного анализа отдельных форм имеет мало общего с наукой» [6, с. 81]. К сказанному Г. Дёрфером надо добавить, что компаративистика — область языкознания, требующая максимальной тщательности и большой точности, и что отсутствие того или другого делает сравнительные исследования бессмысленными. Если попытаться взглянуть на примеры В. М. Иллич-Свитыча с этих позиций, оценка В. А. Дыбо вывода о дополнительном распределении индоевропейских гуттуральных по характеру уральского и алтайского вокализма как научного открытия огромной важности и его заявление о том, что «ностратическая гипотеза работает», покажутся преждевременными.

Несколько слов о высказываниях Вяч. Вс. Иванова и Н. Поппе. Доказать родство языков путем применения специальных приемов или посредством статистических подсчетов никому не удавалось и, вероятно, никогда не удастся, что подтверждает многолетний опыт поиска аргументов для обоснования индо-уральской, индоевропейско-семитской, урало-алтайской, алтайско-индейской, алтайско-шумерской и других гипотез. Свидетельством генетического родства является возможность ретроспективного прослеживания систематически соотносимых фактов и тенденций, реализуемая в конечном итоге в восстановлении более или менее достоверных единых праформ.

2.3. По мнению В. А. Дыбо, В. М. Иллич-Свитычем создана достаточно полная сравнительная грамматика ностратических языков и выявлена обширная система соответствий [8, с. 410]. Выход в свет первого тома монографии сравнивается по значению «с созданием индоевропейской сравнительной грамматики в 1 половине XIX века (Бопп-Раск-Гримм)» [11, с. 82].

Скажем прямо: В. М. Иллич-Свитыч создал не сравнительную грамматику ностратических языков, а очень своеобразный ностратический вариант индоевропейской сравнительной грамматики. Удачен он или нет — вопрос, на который лучше ответить специалистам по языкам «малых» семей, обладающим наибольшими возможностями для глубокой и объек-

тивной оценки этого варианта. Что же касается выявленных соответствий, то они ни о чем не говорят, так как используемая методика позволяет обнаруживать любые соответствия в каком угодно количестве.

Основной методический прием — опора на материальную и семантическую близость при недостаточном внимании к природе сходства и к истории сближаемых лексических единиц. Именно поэтому, как указывалось выше, поисками параллелей широко охвачены изобразительные слова и заимствования.

Важную роль в увеличении числа избирательных сближений играет использование изолированных слов. Так, для сопоставления с монг.-п. *gendü* «самец» берется турецк. *kendi* «сам», затем реконструируется алт. **gändü* «самец» и, далее, на основе сопоставления с драв. **kañ*, — ностр. **gändü* «самец». Остаются в стороне тунгусо-маньчжурские языки. Не в полной мере учитываются материалы монгольских языков. Кстати, в тюркских языках в качестве выделительного местоимения («сам») выступают более десяти слов и пока нет уверенности в том, что турецк. *kendi* относится к общетюркскому пласту, ср.: *kensi* (ст.-кыпч.), *kesi* (карач.-балк.), *öz* (кирг.), *boj* (алт.), *xäj* (чуваш.), *beje* (якут.), *bilä* (халадж., афшар., тебриз.), *kentü* *öz* (др.-тюрк.), *gändü näfäs* (ст.-турецк.), *xut öb* (туркм.). Факторами, предопределившими сближение турецк. *kendi* с монг.-п. *gendü*, явились внешнее сходство и ошибочно воспринятая этимологическая связь (по русскому переводу: «сам» и «самец»).

Увеличению количества параллелей способствует также неучет семантического развития слов, проявляющегося в постепенной утрате конкретности лексических значений, ср.: турецк. *bin-* «садиться верхом; садиться в трамвай, поезд, на самолет; подниматься, взбираться» (первоначально — «садиться верхом»), *çık-* «выходить, появляться; всходить; подниматься, взбираться на гору, крышу, дерево» (первоначально — «выходить из чего-л. наружу»), *kalk-* «вставать, подниматься с места; взлетать; исчезать» (первоначально — «вставать, подниматься с места»); туркм. *ör-* «выступать, выдаваться, показываться; расти; подниматься» (первоначально — «выступать, выдаваться»); узб. *keç-* «переправляться через воду; переходить через пустыню, пески» (первоначально — «переправляться через воду»), *йй-* «проходить сквозь что-л.», «проходить, миновать» (первоначально — «проходить сквозь что-л.»), *ош-* «переходить через гору, переваливать; переливаться через край; превышать» (первоначально — «переходить через гору») и т. д. Бесспорно, не всегда удается точно восстановить исходное значение, однако само проявление упомянутой тенденции не вызывает сомнений. Игнорирование ее делает возможным сопоставление слов, семантика которых первоначально существенно различалась, например: др.-тюрк. *ör-* «выступать, выдаваться, показываться; подниматься» и эвенк. (баргуз.) *ого-* «взбираться, залезать», и заметно снижает степень надежности реконструкций, ср.: алт. **or(a)-*/**örä-* «подниматься, восходить, входить» [4, с. 254].

Недостатком методики В. М. Иллич-Свитыча является ограниченная языковая обеспеченность реконструкций любого уровня [14, с. 223; 20]. Нередко квалифицируются как алтайские и вводятся в ностратическое параллели слова, отсутствующие в тюркских языках и, более того, в силу определенных обстоятельств, «противопоказанные» им. Примеры: **lipa-* «прилипать, липкий, вязкий» (№ 252), **lapa-* «плоский, лист» (№ 256), **loça-* «изгибать, наклонять» (№ 260), **läkä-* «протыкать» (№ 261), **labä-* «тащить в зубах» (№ 262), **lämi* «болото, море» (№ 263), **loka*/**luka* «рысь, песец, собака» (№ 270), **magi* «плохой» (№ 275), **miarä* «выходить замуж» (№ 277), **maça* «твердый, крепкий, стойкий» (№ 280), **mō* «вода» (№ 298), **muda-* «конец» (№ 306), **muri-* «крутить, поворачивать, изгибать» (№ 309), **mura*/**mora* «ломкий, хрупкий» (№ 310), **na/r/a-* «молодой, новорожденный; весна» (№ 318), **NaRa-* «солнце» (№ 320), **ñöru* «влажный, болото, промокать» (№ 326), **ñika-* «шейный позвонок, шея, ворот» (№ 330) и т. д. Причина их «противопоказанности» тюркским языкам — в том, что они начинаются с сонантов. Между тем сонанты необычны для

тюркского анлаута, появились в этой позиции поздно и преимущественно в заимствованных словах, подвергающихся различным видам адаптации. Примеры: др.-тюрк. *ārdāni* (< скр. *ratna*) «драгоценность»; ст.-кыпч. *ilānir* (< перс. *lājār*) «якорь»; кирг., хак. *ylāčyn* (< ? *lačyn*) «сокол»; кирг. *uruksat* (< араб. *ruḫṣat*) «разрешение, позволение», *ylāzym* (< араб. *lāzym*) «нужный, нужно», *ubakty* (< араб. *waqt*) «время», *yarakmat* (< араб. *rahmat*) «спасибо», *ajza* (< монг.-п. *najza*) «копье»; тув. *ylap* (< монг.-п. *lap*) «верно, точно»; тув. (диал.) *yadyjō* (< русск.) «радио», *om* (< монг.-п. *nom*) «книга», *a'zy* (< монг.-п. *nazy*) «возраст», *ulu* (< монг.-п. *lū* < кит. *lung*) «дракон» [21, с. 34, 44, 52]; уйг. *aṣan* (< скр. *rasāyana*) «минеральный источник»; шор. *ilektor* (< русск.) «лектор». Сравнительное исследование показывает, что в тюркском праязыке наряду с сонантами не могли быть в анлауте и слабые (звонкие) шумные согласные и что звучность последовательно нарастала, тогда как сила артикуляции падала, причем степень ослабления находилась в зависимости от размеров слова: в конце двусложных слов шумные согласные были более слабыми, чем в конце односложных. Подобное распределение сонантов и шумных согласных, характеризующее как тенденция к построению слова по принципу восходящей звучности, является своего рода относительной универсалией [22].

Серьезным недостатком следует считать также отсутствие убедительного обоснования необычных фонетических переходов, оригинальной интерпретации структурных особенностей. Например, В. М. Иллич-Свитыч допускает возможность асингармоничности многосложного слова в алтайском праязыке, говорит о «расширении *y > a в первом слоге под влиянием исходного a»: алт. **n'ika*- «шейный позвонок, шая, воротник», тюрк. **jaka* «ворот, воротник» [5, с. 92]; алт. **lipa*- «прилипать, липкий, вязкий», тюрк. **jap(a)*... [5, с. 18—19]. Ср.: «Алт. y, i были дополнительно распределены по ряду следующего гласного» [4, с. 171].

Наивно было бы думать, что В. М. Иллич-Свитыч занимался исследованием конкретных языков и делал выводы, опираясь на добытые факты. Все его усилия с самого начала были сосредоточены на доказательстве ностратической гипотезы, и конкретные языки воспринимались сквозь призму предварительно сформулированных соответствий. Отсюда столь велико количество необоснованных сближений, «натянутых» толкований, произвольных реконструкций. Критикуя полвека тому назад склонность В. Котвича свести воедино неподдающиеся сведению числительные алтайских языков, В. Банг писал: «...не происходит ли эта склонность из нашей навязчивой идеи, что родство, скажем мы опять, монгольского и тюркского, должно быть доказано любой ценой?» [13, с. 103]. Пожалуй, стремление во что бы то ни стало доказать родство ностратических языков — единственное, чем можно объяснить неосторожное обращение В. М. Иллич-Свитыча с конкретным языковым материалом.

2.4. В. А. Дыбо [8, с. 408] убежден в правильности реконструкции трехчленной оппозиции начальных смычных (сильный глухой/слабый глухой/спирант, или звонкий смычный) в алтайском праязыке, предпринятой В. М. Иллич-Свитычем с опорой на ностратические соответствия [4, с. 168—169; 23; 24]:

алт.	тюрк.	монг.	тунг.-маньч.
*k'-	*k'-	*k-	*x-
*k-	*k-	*k-	*k-
*g-	*k'-	*g-	*g-
*t'-	*t'-	*t-, *č-	*t-
*t-	*t-	*d-, *ʃ-	*d-
*d-	*j-	*d-, *ʃ-	*d-
*p'-	*h-, θ-	*f-, *h-, θ-	*p-
*p-	*p-(*b-)	*f-, *h-, θ-	*p-
*b-	*b-	*b-	*b-

Поскольку воспроизводимые здесь триады соответствий начальных смычных охарактеризованы коллегами В. М. Иллич-Свитыча как исключительно важный вклад в исследование предистории тюркских, монголь-

ских и тунгусо-маньчжурских языков [11, с. 90—91], целесообразно подробнее осветить конкретные материалы, послужившие основой для их установления.

Начнем с гуттуральных и ограничимся тюркскими языками, так как именно тюркские данные, точнее, данные огузских, тувинского и тофаларского языков, явились одной из основных опор для реконструкции трехчленной оппозиции. Традиционно в тюркском праязыке реконструируется один анлаутный гуттуральный (*k-), В. М. Иллич-Свитыч реконструирует оппозицию сильного *k'- (> огуз. k-/g-, тув.-тофал. x-, k'-/k-) и слабого *k- (> огуз. g-, тув.-тофал. k-) [23, с. 339 и сл.].

Действительно, в огузских, тувинском и тофаларском языках в начале слова могут быть и сильный (глухой) и слабый (звонкий) гуттуральные. В халаджском языке [25] в собственно тюркских словах слабые (звонкие) гуттуральные отсутствуют, в гагаузском и турецком языках слабым (звонким) является заднеязычный, в азербайджанском и туркменском — заднеязычный и увулярный (с сильным глухим началом). В тувинском языке в одной группе слов выступают слабые заднеязычный и увулярный, в другой — сильный, спонтированный (x). Примеры ⁴:

азерб.	турецк.	туркм.	халадж.	тув.	
gaç-	kaç-	gaç-	kaç-	kaş-	«бежать, убегать»
gar	kar	gār	kār	zar	«снег»
gol	kol	gol	kol	xol	«рука»
gāl-	gel-	gel-	kal-	kel-	«приходить»
kās-	kes-	kes-	kāš-	ke's-	«резать»
keç-	geç-	geç-	kāç-	ke'ş-	«проходить; переходить»
gün	gün	gün	kün	xün	«день; солнце»

Для тюркского анлаута принято также реконструировать один дентальный смычный (*t-), В. М. Иллич-Свитыч реконструирует оппозицию сильного *t'- (> огуз., тув.-тофал. t-/d-) и слабого *t- (> огуз., тув.-тофал. d-).

И в этом случае анлаут разнообразен. В халаджском языке в собственно тюркских словах возможен лишь сильный (глухой) дентальный смычный, в остальных языках — и сильный (глухой) и слабый (звонкий), причем последний заметно преобладает, ср.:

азерб.	турецк.	туркм.	халадж.	тув.	
daj	tay	taj	—	daj	«жеребенок по 2-му или 3-му году»
dar	dar	dār	tār	tar	«тесный, узкий»
daş	taş	dāş	tāş	daş	«камень»
dogguz	dokuz	dokuz	tokkuz	tos	«девять»
*tāp-	tep-	dep-	tāp-	te'p-	«пина́ть, ляга́ть»
tök-	dök-	dok-	tök-	to'k-	«ли́ть; сыпа́ть»
dörd	dört	dört	tüört	dört	«четыре»
tülkü	tilki	tilki	tilkü	diłgi	«лиса»

Что касается губных смычных, то в начальной позиции тюркологи восстанавливают либо звонкий (*b-), либо глухой (*p-); точка зрения В. М. Иллич-Свитыча не совсем ясна: отражением алтайского *p'- в тюркском праязыке он считает *h-, или θ-, отражениями алтайского *p- — *p- и *b-, а отражением алтайского *b- — *b-.

В огузских, тувинском и тофаларском языках в начале слова выступает преимущественно слабый (звонкий) губной смычный. Примеры:

азерб.	турецк.	туркм.	халадж.	тув.	
baş	baş	baş	baş	ba'ş	«голова»
bat-	bat-	bat-	bat-	ba't-	«погружаться, тонуть»
boj	boj	boj	bōd	*bot	«рост, стан»
bud	but	būt	but	but	«бедро; ляжка»
beş	beş	bāş	bieş	beş	«пять»
bir	bir	bir	bir	bir	«один»
bit-	bit-	bit-	bit-	bü't-	«исполняться, совершаться»

⁴ В гагаузском языке начало слова — как в турецком, в тофаларском — как в тувинском.

Реконструировать двучленную оппозицию сильных (глухих) и слабых (звонких) смычных в тюркском праязыке, опираясь на изложенные факты огузских, тувинского и тофаларского языков, можно только в порядке доказательства от противного. Правомерна ли такая реконструкция на самом деле, если различия в употреблении сильных (глухих) и слабых (звонких) носят характер не только межъязыковых, но и диалектных расхождений? Ср.:

туркм. (лит.) *dart-* «тянуть, тащить», *dört* «четыре», *dokuz* «девять», *dök-* «лить; сыпать», *düş-* «падать, опускаться», *dāš* «камень», *dary* «просо», *dak-* «пришивать; прикреплять», *durna* «журавль», *dyrnak* «ноготь», *dile-* «просить; желать», *dōn* «халат», *damar* «жила», *deš-* «пробивать отверстие», *dik-* «втыкать; воздвигать», *dürt-* «толкать, вталкивать», *gork-* «бояться»;

туркм. (диал.) *tart-*, *tört*, *tokuz*, *tök-*, *tüş-*, *tāš*, *tary*, *tak-*, *tyrna*, *tyrnak*, *tile-*, *tōn*, *tamar*, *teš-*, *tik-*, *türt-*, *kork*-[26], и наоборот:

туркм. (лит.) *kiši* «человек», *kömür* «уголь», *köz* «жар, уголья», *tām* «дом», *pūdak* «ветка, ветвь», *tigir* «колесо», *tal* «ива»;

туркм. (диал.) *gišt*, *gömür*, *göz*, *dām*, *būdak* [27], *digil*, *dal* [28];

тув. (лит.) *karyš* «пядь», *kylyn* «толстый», *kodan* «заяц», *kadag* «гвоздь», *kas-* «копать», *kyzyl* «красный», *kat* «ягода», *bagana* «столб», *bür* «лось»;

тув. (диал.) *xaryš*, *xylyn* [29, с. 243], *xodan*, *xadag*, *xas-*, *xyzyl*, *xat* [30], *ragana*, *pür* [31, с. 297], и наоборот:

тув. (лит.) *xün* «день; солнце», *xugyn* «живот», *xül* «зола», *xol* «рука», *xöl* «озеро», *tōš* «грудина, грудная часть», *terek* «тополь», *ton* «пальто; халат»;

тув. (диал.) *kün*, *kygyn*, *kül*, *kol*, *köl* [29, с. 243—244], *döš*, *derek*, *don* [31, с. 297].

Совершенно очевидно, что соответствия начальных смычных в огузских, тувинском, тофаларском и, отчасти, в других тюркских языках многообразны. Но очевидно, и то, что причина многообразия соответствий — не в особенностях фонологической системы праязыка. Было бы ошибкой прямолинейно связывать реконструируемые архетипы с разновидностями фонетических соответствий: для каждой группы смычных согласных их насчитывается больше десяти. Первопричиной многообразия явилось ослабление (озвончение) анлаута, которое происходило в виде регионального процесса и поддерживалось внутренними закономерностями развития, образование же минимальных пар, различающихся по признаку силы (глухости) / слабости (звонкости) — следствие заимствования большого количества слов из не-тюркских языков и следствие семантической дифференциации диалектных вариантов, ср.: кум. *kök* «небо», *gök* «синий» [32].

Сделанный вывод может показаться излишне категоричным: истинность противопоставления сильных и слабых анлаутных согласных в тувинском языке как будто бы подтверждается материалами тюркских текстов, написанных Брахми. Однако в последних разграничены не сильные и слабые, а придыхательные и не придыхательные согласные и, что самое главное, это разграничение лишено строгости и последовательности, ср. (по указателю к *Türkische Turfan-Texte VIII*): *baś*, *bhāś* «голова», *paśla-* «вести»; *bhālkū*, *pālgū* «анак»; *beś*, *peś*, *pheś* «пять»; *bir*, *bhir*, *pīr* «одна»; *bol-*, *bhol-*, *pol-* «становиться»; *bo*, *bho*, *po* «этот». Придыхательность начальных дентальных отмечена только в двух собственно тюркских словах: *dhayān-* «опираться» и *thoy* «праздник; свадьба», которые в тувинском языке выступают без придыхания: *dayan-*, *doy*.

Из сказанного следует, что традиционная реконструкция начальных смычных в тюркском праязыке (**k*, **t*, **b*, или **k*, **t*, **p*) работами В. М. Иллич-Свитыча не поколеблена. Восстановление оппозиции сильных (глухих) и слабых (звонких) согласных лишено оснований,⁵ о восстановлении же на уровне общеалтайского состояния для тюркских языков трехчленной оппозиции не может быть и речи: она привнесена извне в

⁵ Критический анализ используемых В. М. Иллич-Свитычем фактов огузских, тувинского и тофаларского языков см. в статьях Г. Дёрфера [34, 35].

готовом виде, как одно из переосмыслений распространенной модели индоевропейской системы смычных, ср. у Р. Якобсона: $k/g/k^h$; $t/d/t^h$; $p/b/p^h$ [33].

2.5. Как указывает В. А. Дыбо, ностратические сравнения подтвердили выводы сторонников алтайской теории о существовании первичных алтайских (пратюркских) $*r'$ и $*l'$ [8, с. 409].

Напомним, что в чувашском языке наряду с общетюркскими есть такие r и l , которым в остальных тюркских языках соответствуют z и $\dot{z}$. Сходные с чувашским языком факты были обнаружены и в монгольских языках, что побудило исследователей интерпретировать их с алтаистических позиций. З. Гомбоц, впервые исследовавший ротацизм и ламбдаизм в полном объеме, сделал следующее заключение: первичны $*z$ и $*\dot{z}$; $*z$ в монгольских языках в одних условиях дал r , в других — s ; $*\dot{z}$ отразился в виде l [36]. Иной точки зрения придерживался Г. Рамстедт, реконструировавший оппозицию $*r/*r'$, $*l/*l'$ [37, 38]. Важное значение в аргументации Г. Рамстедта и присоединившегося к нему с некоторыми оговорками⁶ Н. Поппе [39, 40] придает венгерским словам чувашского происхождения. Ротацизму и ламбдаизму посвящены десятки работ, содержание которых излагалось ранее [41, 42]. Здесь нам хотелось бы сосредоточить внимание на узловых моментах проблемы.

Противопоставление согласных по признаку твердости / мягкости в тюркских языках относится к числу инноваций, так как смягчение согласных отражает влияние поздно исчезнувших j и $\dot{e}$, например: тат. (диал.) *baram* «иду» / *bar'am* (<*bajram*) «праздник» [43]; чуваш. *jurat* «люблю» / *jurat'* (<*juratē*) «годится, ладно» [44].

Исследование фонологических систем тюркских языков и опыт реконструкции пратюркского консонантизма убеждают в том, что ротацизм и ламбдаизм в чувашском языке — результат относительно позднего развития слабых (звонких) аллофонов пратюркских фонем $*s$ (z) и $*\dot{s}$ ($\dot{z}$) в своеобразных фонетических условиях, которые предстоит еще уточнить. Однако независимо от этого уже сейчас мы вправе заявить, что тезис о существовании первичных алтайских (пратюркских) $*r'$ и $*l'$ несостоятелен.

Во-первых, противопоставление велярных и палатализованных согласных для тюркских языков нетипично. Венгерские слова чувашского происхождения, как показал Л. Лигети [45], не дают информации о смягченности r и l в древнечувашском языке. Из пятнадцати заимствованных древнечувашских слов с ротацизмом и трех заимствований ламбдацирующего типа только в двух (*borjū* «теленек», *kölyök* «детеныш») наблюдается вторичная палатализация, которую Л. Лигети считает чисто венгерским фонетическим явлением: а) палатализованными стали и другие согласные; б) палатализация происходит в заимствованных словах нечувашского происхождения.

Во-вторых, ротацизм охватил ранние заимствования из индоевропейских языков, что исключает первичность r , ср.:

др.-тюрк. *öküz*, чуваш. *väkär*, венг. *ökör* «бык, вол»; тохар. *B okso*, скр. *ukṣán*- «бык» [46, с. 333; 47];

др.-тюрк. *jez*, тат. *žiz*, узб. *žez*, хак. *čes*, др.-чуваш. $*s'er$ «желтая медь, латунь», мордовск. *sere* «медь» (<? др.-чуваш.), тат. диал. *žar* в *žäsel žar* «медный купорос» [48]; тохар. *A wäs*, тохар. *B yasa*, лат. *aurum* (< $*ausum$) «золото» [46, с. 132, 563], ср. также: лат. *aes* «бронза, медь» [49, 50];

др.-тюрк. *böz* «хлопчатобумажная ткань, бязь, холст, полотно», узб. *büz* «бязь», чуваш. *pür* «холст, полотно», *püs* «миткаль» (<тат. *büz*); др.-греч. *βύσσος* «ткань» [51], ср. также: араб. *bazz* [52].

2.6. Говоря о ностратических реконструкциях В. М. Иллич-Свитыча, включающих ларингальный, В. А. Дыбо отмечает регулярность связей индоевропейского и семитохамитского ларингальных с уральскими, алтайскими и картвельскими долготами [7, с. VI].

Проблема ларингального чрезвычайно сложна. О фонетической природе его и о том, был ли он один или их было несколько, до сих пор нель-

⁶ У Н. Поппе — $*r/*r'$, $*l/*l'$ [39, с. 110].

зя сказать ничего определенного [53]. Ничего определенного нельзя сказать и об алтайских долготях, тем более что понятие «алтайский» остается в такой же мере неясным, как и понятие «ностратический». И, конечно, нелегко поверить тому, что путем сравнения одного неизвестного с другим неизвестным удастся извлечь ценную позитивную информацию.

Тюркские долготы — вполне реальная вещь, и для реконструкции в тюркском праязыке двучленной количественной оппозиции есть основания. Однако возвести тюркские так называемые первичные долгие гласные к сочетаниям гласных с ларингальным или каким-либо другим согласным, на наш взгляд, невозможно. Такие реконструкции, как **baHli* «рана, боль» (№ 1), **baHa* «привязывать» (№ 2), **belrH/u* «давать» (№ 10), **Halā* «передний край» (№ 104), плохо согласуются с древнейшим состоянием тюркских основ **pāš* (~**bāš*), **pā* (~**bā*), **pār* (~**bār*) **āl*, восстанавливаемым исходя из собственно тюркских данных. В тувинском языке и в языке сары-уйгуров эпизодически появляется фарингальный (тув. *paḥš* «голова», *aht* «лошадь», *oht* «трава»; сары-уйг. *kuḥš* «птица»), но не для обозначения исчезнувшей первичной долготы, а для передачи прерывистой артикуляции кратких гласных, которые в тувинском и тофаларском языках, в отличие от первичных долгих, подверглись фарингализации [54, с. 281 и сл.].

Как известно, многочисленные попытки объяснить первичную долготу гласных в тюркских языках выпадением согласных закончились неудачей [54, с. 283—284]. В связи с этим были предприняты поиски иных объяснений. В порядке предположения высказывается мысль, что на той стадии развития, когда господствовал моносиллабизм и большую роль играли слоговые акценты, сложилась оппозиция двух просодических типов слога: вокальновершинного и консонантовершинного. Долгие гласные развились в слогах с вершиной на вокалической части. С этой точки зрения общетюркская количественная оппозиция гласных является одним из отражений древней слоговой полипросодии.

2.7. Излишне доказывать необоснованность утверждения, что В. М. Иллич-Свитычем последовательно реконструирован восточноностратический вокализм [8, с. 410]: тюркологу ясно, что В. М. Иллич-Свитыч воспользовался готовыми реконструкциями, в которые внес минимальные изменения. Вот что пишет В. А. Дыбо о наиболее существенном из них: «Введение досингармонической реконструкции алтайского вокализма позволило освободиться от алт. **y* (первого слога) и рассматривать соответствующие основы как разнорядные: с *-*i*- в первом слоге и с гласным заднего ряда во втором» [7, с. IX].

2.8. И сам В. М. Иллич-Свитыч, и его коллеги подчеркивают сходство морфологических элементов в ностратических языках, полагая, что общими («ностратическими») являются: «...местоименные аффиксы, именные аффиксы падежа и числа, аффиксы глагольных залогов, словообразовательные аффиксы, показатели относительных конструкций, отрицательные и запретительные частицы, усилительные, соединительные и побудительные частицы» [8, с. 411].

Сближение аффиксальных морфем разных языков без предварительного выяснения их происхождения не располагает к достаточной степени доверия: многие аффиксальные морфемы состоят из одного или двух звуков, и когда их общее число доходит до 300—400 в каждой группе языков, вероятность случайных совпадений необычайно велика. Например, в тюркских языках и в русском языке встречаются десятки материально и семантически сходных аффиксов, у которых в этимологическом плане наверняка нет ничего общего, ср.: тат. *čabar* и русск. *косарь*; тат. *išetä* и русск. *слыша*; турецк. *yolu* и русск. *дорогу*; турецк. *yere* и русск. *земле*; турецк. *kızın* и русск. *дочерин*; турецк. *yatak* «постель» и русск. *тепак*; турецк. *sürürge* «метла» и русск. *терка*; кирг. *tabylga* «находка» и русск. *точилка*, *копилка*; туркм. *berip*, туркм. диал. *beriv* и русск. *дав* и т. д.

Ограниченность фонемного состава аффиксов, с одной стороны, и относительная беспредельность их количества, с другой, делают неизбежным возникновение в значительных размерах аффиксальной омонимии, внутри-

языковой и междязыковой. Приведем один пример. В тюркских языках обнаруживается более десяти аффиксов, состоящих из согласного *л*, самого по себе или в сочетании с гласным: аффиксы родительного, дательного, винительного и творительного падежей, страдательного и возвратного залогов, лично-предикативных форм 1-го и 2-го лиц единственного числа, отглагольного имени, повелительного наклонения, множественного числа. Разные по происхождению аффиксы внешне оказываются полностью или частично совпавшими в разных тюркских языках и даже в одном и том же языке.

Надо учитывать и то, что аффиксы агглютинативных языков, за редкими исключениями, однозначны и четко отграничены друг от друга. Частичная автономность морфологических элементов] создает максимально благоприятные условия для их заимствования: примечательно, например, заимствование северными говорами таджикского языка ряда узбекских падежных и других аффиксов: *-dan*, *-ga*, *-gača*, *-ča*, *-či*, *-lik*, *-gina*, *-la*, *-rok* и т. д. [55].

3. Сделанные критические замечания не преследуют цели безоговорочно отвергнуть ностратическую гипотезу, а ностратические исследования объявить безрезультатными и бесполезными. Научная несостоятельность попытки В. М. Иллич-Свитыча создать сравнительную грамматику ностратических языков очевидна, однако, с какой бы меркой строгости ни относиться к этой попытке, нельзя не признать ее положительное значение для дальнейших разысканий в данной области: появилась возможность тщательно взвесить и всесторонне оценить ту поистине глобальную совокупность разнообразных и разнородных сходств, которая необыкновенными усилиями, богатой эрудицией и редкостным даром воображения одного человека была подана в виде определенной системы.

Исследования В. М. Иллич-Свитыча побуждают к пересмотру установившихся взглядов на историческую глубину языковых контактов. Последние десятилетия — время усилившихся поисков генетического родства. Исследовались алтайско-дравидийские [56], урало-алтайские [57, 59], индоевропейско-уральские, индоевропейско-урало-алтайские [58, 59], урало-алтайско-дравидийские [60] и другие связи. Менее интенсивно изучались заимствования [61, 62, 63], хотя наличие контактных сходств между языками, относимыми к ностратической семье, никем не отрицается. Понятно, что выделение заимствований — первый и очень важный этап сравнительного исследования, обязывающий к выявлению всех случаев языкового взаимодействия. Особый интерес представляют тюркско-индоевропейские контакты. Еще в начале нынешнего столетия они привлекли внимание Х. Педерсена [1, с. 561] и Б. Мункачи [64]. Список выделенных ими и другими тюркологами древнейших тюркских заимствований из индоевропейских языков включает слова различных тематических групп, ср.: др.-тюрк. *kylyč* «меч», *öküz* «бык, вол», *bala* «детеныш», *boz* «хлопчатобумажная ткань», *mirč* «перец», *jez* «желтая медь, латунь», *ešäk*, *ešgäk*, *ešjäk* «осел», *alma*, *almyla* «яблоко», *teri* «шкура, кожа»; тат. *syra* «пиво», *usak* (хак. *os*, шор. *apsak*) «осина», *ärem* (чуваш. *erēm uti*) «попынь», *elma* (кум. *elme*) «вяз».

Пока отсутствуют полные сведения о ранних тюркско-индоевропейских контактах, но, по-видимому, Восточный Туркестан, где в исторически обозримое время тюрки находились вместе с тохарами [65], не был единственным местом их. Смелое предположение Э. Бенвениста о центральноазиатской прародине индоевропейцев [66], может быть, и не подтвердится, тем не менее, весь ход исторического процесса на территории Евразии, предельно насыщенного миграциями племен, свидетельствует в пользу этого предположения.

Наконец, опыт В. М. Иллич-Свитыча положителен и в том отношении, что он подводит нас к необходимости четкого и обоснованного разграничения языковых сходств. Парадоксальные ситуации, когда одни и те же слова, скажем, турецк. *kes-* «резать», *kert-* «делать зарубку», *kap-* «хватать», *gev-* «жевать», *kaz* «гусь», приводятся как изобразительные (С. В. Ворони и др.), как древние заимствования из индоевропейских языков

(Х. Педерсен, В. Грёнбек), конкретно — из тохарского (А. Рона-Таш), или как относящиеся к общему ностратическому фонду (В. М. Иллич-Свитыч и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Pedersen H. Türkische Lautgesetze. — ZDMG, 1903, LVII, S. 560.
2. Trombetti A. L'unità d'origine del linguaggio. Bologna, 1905.
3. Cuny A. Invitation à l'étude comparative des langues indo-européennes et des langues chamito-sémitiques. Bordeaux, 1946, p. 264.
4. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь (b — k). М., 1971.
5. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (l — z). Указатели. М., 1976.
6. Doerfer G. Lautgesetz und Zufall. Betrachtungen zum Omnicomparatismus. — Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, 1973, 10.
7. Дыбо В. А. Вступительная статья к книге В. М. Иллич-Свитыча «Опыт сравнения ностратических языков». М., 1971.
8. Дыбо В. А. Ностратическая гипотеза. (Итоги и проблемы). — ИАН СЛЯ, 1978, № 5.
9. Clackson G. Nostratic. — JRAS, 1973, p. 55.
10. Иванов Вяч. Вс. — Этимология 1977. М., 1979. — Рец. на кн.: Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1976.
11. Советское славяноведение, 1973, № 5.
12. Иллич-Свитыч В. М. Соответствия смычных в ностратических языках. — В кн.: Этимология 1966. М., 1968. с. 304.
13. Bang W. Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut. Sechster Brief: Varia varii momenti. — UJb, 1932, XII, 1/2.
14. Porre N. Comparative dictionary of the Nostratic languages. — FUF, 1979, XLIII, 1—3.
15. Иллич-Свитыч В. М. Генезис индоевропейских рядов гуттуральных в свете данных внешнего сравнения. — В кн.: Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков: Тезисы докладов. М., 1964.
16. Козин С. А. Сокровенное сказание, Юань чао би ши, I. М. — Л., 1941.
17. Мельничук А. С. Корень *kes- и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков. — В кн.: Этимология 1966. М., 1968, с. 194—240.
18. Воронин С. В. Дескриптивные праформы в ностратическом этимологическом словаре (т. I) В. М. Иллич-Свитыча. — В кн.: Ностратические языки и ностратическое языковедение: Тезисы докладов. М., 1977, с. 69.
19. Воронин С. В. Основы фоносемантики. Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Л., 1982, с. 24.
20. Porre N. Ein vergleichendes Wörterbuch der nostratischen Sprachen. — FUF, 1972, XXXIX, 3, S. 367—368.
21. Чадамба З. Б. Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974.
22. Зубкова Л. Г. Семантическая организация простого слова в языках различных типов: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Л., 1978, с. 8—9.
23. Иллич-Свитыч В. М. Алтайские гуттуральные: *k, *k, *g. — В кн.: Этимология 1964. М. — Л., 1965.
24. Иллич-Свитыч В. М. Алтайские дентальные: t, d, ð. — ВЯ, 1963, № 6.
25. Doerfer G. und Tescan S. Wörterbuch des Chaldasch. (Dialekt von Chaghab). — Bibliotheca Orientalis Hungarica, 1980, XXVI.
26. Амансарыев Ж. Туркмен диалектологиясы. Ашгабат, 1970, с. 202—203.
27. Куренов С. Особенности туркменского говора Северного Кавказа (Ставрополья): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Ашхабат, 1959, с. 14.
28. Маевыев Н. Диалект арабачи туркменского языка: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Ашхабат, 1975, с. 12.
29. Сарыкай М. Х. Сведения о речи тандинских тувинцев. — Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ, 1973, XVI.
30. Хертек Я. Ш. Об улуг-хемском говоре тувинского языка. — Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ, 1968, XIII, с. 309.
31. Сарыкай М. Х. Некоторые итоги диалектологической экспедиции в Пий-Хемском районе. — Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ, 1968, XIII.
32. Джитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М. — Л., 1940, с. 15.
33. Якобсон Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языковедение. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963, с. 103.
34. Doerfer G. Ein altesmanisches Lautgesetz im Kurdischen. — WZKM, 1969, 62, S. 250—263.
35. Doerfer G. Bemerkungen zu den sojonischen Anlautklusilen. — UAJb, 1973, 45, S. 254—260.
36. Gombocz Z. Zur Lautgeschichte der altaischen Sprachen. — KSz, 1912—1913, XIII, S. 1—37.
37. Ramstedt G. J. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen. — JSFOu, 1922—1923, XXXVIII, S. 26—33.
38. Ramstedt G. J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I. Lautlehre. — MSFOu, 1957, 104, S. 103—106.

39. *Poppe N.* Altaisch und Urtürkisch.— *UJb*, 1926, VI, 1—2, S. 107—116.
40. *Poppe N.* Altaic linguistics — an overview.— *Gengo no Kagaku. Tōkyō*, 1975, № 6, p. 145 (по статье Л. Лигети [45, p. 225]).
41. *Ligeti L.* À propos des éléments «altaïques» de la langue hongroise.— *ALH*, 1961, XI, 1—2, p. 19—27.
42. *Щербак А. М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, с. 84—88.
43. *Шакирова Р. Ф.* Фонетические особенности говора татар Краснооктябрьского района Горьковской области.— В кн.: Материалы по диалектологии. Казань, 1955, с. 127—129.
44. *Езоров В. Г.* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. I. Чебоксары, 1954, с. 147.
45. *Ligeti L.* À propos du rhotacisme et du lambdacisme.— *CAJ*, 1980, XXIV, № 3—4.
46. *Van Windekens A. J.* Le tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes. I. La phonétique et le vocabulaire. Louvain, 1976.
47. *Ligeti L.* Les mots solons dans un ouvrage chinois des Ts'ing.— *AOH*, 1959, IX, 3, p. 266—268.
48. Татар теленен диалектология күзлере. Казан, 1969, 6. 566.
49. *Menges K. H.* Zu einigen ural-altajisch-tocharischen Wortbeziehungen.— *Orbis*, 1965, XIV, 1, S. 134—135.
50. *Aalto P.* Ein alter Name des Kupfers.— *UJb*, 1959, XXXI.
51. *Róna-Tas A.* Böz in the Altaic world.— *Altorientalische Forschungen. Berlin*, 1975, III, p. 155—163.
52. *Scherner B.* Arabische und neupersische Lehnwörter im Tschuwaschischen. Versuch einer Chronologie ihrer Lautveränderungen. Wiesbaden, 1977, S. 67.
53. *Lindeman F. O.* Einführung in die Laryngaltheorie. Berlin, 1970.
54. *Щербак А. М.* Опыт реконструкции слоговых акцентов в тюркском протоязыке.— В кн.: Теория языка. Методы его исследования и преподавания. Л., 1981.
55. *Расторгуева В. С.* Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. М., 1965, с. 129—142.
56. *Menges K. H.* Altajisch und Dravidisch.— *Orbis*, 1964, XIII, 1, S. 66—103.
57. *Räsänen M.* Uralaltaische Forschungen.— *UJb*, 1953, XXV, 1—2, S. 19—27.
58. *Menges K. H.* Altaische Studien.— *Der Islam*, 1961, 37.
59. *Collinder B.* Hat das Uralische Verwandte? Eine sprachvergleichende Untersuchung.— *Acta Universitatis Upsaliensis. Acta Societatis Linguisticae Upsaliensis*, 1965, NS, 1: 4.
60. *Bouda K.* Dravidisch und Uralaltaisch.— *UJb*, 1953, XXV, 3—4, S. 161—173.
61. *Joki A. J.* Uralier und Indogermanen. Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen.— *MSFOu*, 1973, CLI.
62. *Menges K. H.* Zu einigen ural-altajisch-tocharischen Wortbeziehungen.— *Orbis*, 1965, XIV, 1.
63. *Róna-Tas A.* Tocharische Elemente in den altaischen Sprachen?— In: *Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients*, 5. Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker. Berlin, 1974, S. 499—504.
64. *Munkácsi B.* Beiträge zu den alten arischen Lehnwörtern im Türkischen.— *KSz*, 1905, VI, 2—3, S. 376—379.
65. *Winter W.* Tocharians and Turks.— In: *Aspects of Altaic civilization. Bloomington*, 1963.
66. *Бенвенист Э.* Тохарский и индоевропейский.— В кн.: Тохарские языки. Сб. статей. М., 1959, с. 108.